

ЖИВОЕ ИСКУССТВО

Сегодня народному артисту республики Анатолию Григорьевичу Мареничу исполнилось бы 70 лет. Портрет его висит в фойе театра музыкальной комедии в ряду ушедших от нас мастеров. Но каждый раз, встречаясь взглядом с его улыбкой, испытываешь одно и то же ощущение, что сейчас, войдя в зал, услышишь этот знакомый, характерный голос, лукавый и теплый. Время идет быстро, многое стирается в памяти, но забыть Маренича нельзя. Его не хватает в театре ощутимо. И часто ловишь себя на мысли: «Вот эту роль он бы сыграл... А это словно написано для него...»

Искусство театра измеряется его вершинами. Одной из таких вершин в свердловском театре было творчество Маренича — выдающегося художника советской оперетты. Его дарование было подлинно народным, удивительно многогранным, органично сочетавшим обаятельный, мягкий, глубоко человеческий юмор и беспощадную, социально точную сатирическую остроту. Он показал, как велики возможности жанра, каким содержательным и жизненно правдивым может и должно быть искусство оперетты — оптимистическое, современное, доброе по своей сути.

Анатолий Маренич самобытно, талантливо утверждал одну из самых дорогих традиций своего театра — изображение объемных, реалистических характеров средствами жанра и прежде всего — оружием смеха. Оружием, которым он владел превосходно. Созданные им образы теснятся в памяти, не безмолвные тени, нет — живые, темпераментные, не похожие друг на друга, каждый со своей биографией, своим особым миром, повернутый к нам новой гранью комического.

Душевно богаты его Яшка-артиллерист, танкист Бурмак, красноармеец Рахмет Алиев — положительные герои, наши современники. Незабываемы выдающиеся работы Маренича — Васька Кокшаров в «Марке Береговике» и Трепло из «Черного дракона», в которых целая человеческая судьба предстала перед нами. Актер здесь страстно утверждал право человека на счастье, раскрытие в нем лучшего, сокровенного. Зрители, смотря игру Маренича, смеялись и... плакали. Да, плакали в оперетте. Стоит вспомнить только сцену смерти Трепло, выстрадавшего свою красную рубашку гарибальдийца, но так и не успевшего увидеть свободы и счастья.

А с какой уничтожающей иронией обличал Маренич все безнравственное, чуждое, враждебное. Он вывел на всеобщее осмеяние угодливо согнувшегося лакея Аполлинария из «Огоньков», человека без родины, бывшего русского графа Лососиноостровского в оперетте «Цирк зажигает огни», купчину Терентия Кузькина из «Анютиних глазок», отщепенца и предателя Слизняка в «Черной березе».

Многое было у Маренича, не было одного — равнодушия. Он всегда играл с полной отдачей, страстно, не жалея, тратил себя. Ведь Трепло он сыграл так молодо и самозабвенно уже после своего шестидесятилетия. Контакт его со зрительным залом был идеальным. Он любил постоянно накалять эмоциональную атмосферу, весело будоражить зрителей, вызывать дружный смех, ощущать идущую на сцену волну ответного чувства. Кинопленка, к счастью, сохранила один из таких моментов — в едином порыве аплодирующий, скандирующий зал во время исполнения знаменитых куплетов Трепло.

Всю свою творческую жизнь Анатолий Григорьевич Маренич прожил в одном театре, в родном Свердловске. Он был любимым артистом. Титул этот не присваивается официально, и заслужить его трудно. Такое звание дают сами зрители, народ. Творчество Маренича было нужно людям, оно несло им радость жизнеутверждения.

Опыт замечательного актера — школа мастерства для молодых, для тех, кто принимает эстафету, кому предстоит сохранять и развивать традиции театра. Его искусство стало неотъемлемой частью художественной культуры нашего края. Маренич остается с нами, веселый, мудрый, добрый человек из оперетты.